

Феодор-Мстислав Владимирович — новгородский князь. Феодором он дважды назван в Мстиславовом евангелии: «Христолюбивому и богом честимому князю Феодору, а мирьски Мстиславу, внуку сущю Всеволожу, а сыну Володимирю, князю новгородскому» и «О господи, спаси князя нашего Феодора многа лет, а мирьски Мстислава».⁶⁸

Борис Всеславич — это полоцкий князь. Известны попытки отождествить его с Рогволдом Всеславичем. Однако это заблуждение, в которое вносит ясность «Хождение Даниила». Рогволд получил полоцкий стол только в 1127 г., после изгнания Давыда.⁶⁹ В тот период, когда совершалось путешествие Даниила, полоцким князем был Роман Всеславич, умерший в 1114 или 1116 г.⁷⁰ Этого Романа и называет Даниил Борисом, поскольку имена Роман и Борис идентичны.

Глеб Минский — это брат Бориса Всеславича. Оба князя делили между собой Полоцкую землю после смерти Всеслава в 1101 г.

Перечислением названных девяти князей исчерпывается список Даниила. Мы не видим в нем ни волынского, ни туровского князей, наместников Святополка, ни ростовского князя, наместника Владимира, ни таких, казалось бы, самостоятельных князей, как Давыд Игоревич или Ростиславичи. Даниил не упоминает их, так как они не идут ни в какое сравнение с этими девятью князьями, составлявшими в своей совокупности ту верховную коалицию, которая решала общерусские дела и направляла политическое развитие государства, номинально объединенного под державой великого князя киевского.

Вернемся к Давыду Всеславичу. Мог ли он выступать в рассказе Даниила в таком окружении, да еще на третьем месте? Давыд Всеславич был в начале XII в. князем-изгоем, не имевшим собственного стола и предлагавшим свое оружие более значительным князьям. Он иногда стоит во главе дружины, ходившей в совместные княжеские походы на половцев,⁷¹ иногда поддерживает Олега Святославича против своих же собственных братьев,⁷² но до 1114 г. он безземельный князь, ничего не значащий в системе княжеской иерархии. В скольких бы списках «Хождения» ни повторялось его имя, Давыд Всеславич — в данном случае лишь результат ошибки редактора повести, порождение его исторических упражнений.

Мы видим, что реконструированный выше протограф разобранного места «Хождения игумена Даниила» может служить важным источником для политической истории древней Руси, а сама достоверность реконструкции подтверждается историческим анализом его содержания. Рассказ Даниила о поминании в Иерусалиме русских князей в самой концентрированной форме изображает всю систему княжеского старшинства, возникшую в результате активного юридического творчества и по инициативе Владимира Мономаха. Эта система в высшей степени последовательна как в своем содержании, так и в применении, что прежде казалось сомни-

Андрей, а что касается канонов в изображении креста, то вряд ли о них можно говорить сколько-нибудь серьезно для XI в. Определяя печать временем Андрея—Мстислава, отметим некоторое противоречие в надписи печати, которая говорит как будто о киевском князе, называя владельца печати великим архонтом, однако в рассматриваемое время никаких Мстиславов на киевском столе не было, кроме Мстислава Великого, который был Феодором. Поэтому относиться к надписи с полным доверием не следует. Вспомним печать Феофании Музалоннис, которая, будучи тмутараканской княгиней, титуловала себя русской архонтиссой.

⁶⁸ Путешествие игумена Даниила..., стр. 162 и сл.

⁶⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 131; т. VII, стр. 27.

⁷⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 8, 291; т. VII, стр. 23.

⁷¹ ПСРЛ, т. I, стр. 118; т. VII, стр. 19, поход на половцев в 1103 г.

⁷² ПСРЛ, т. I, стр. 119; т. II, стр. 287; т. VII, стр. 20.